

ВЛАДИМИР КОЛЕСНИКОВ

Сельские диалоги

Мы стоим у правления колхоза, поджидаем автобус, который вот-вот должен прибыть из Невинномысска, а потом отправиться в обратный рейс. Мой попутчик, пожилой колхозник, притих, задумался о чем-то своем. Едет в гости к дочкам, а предстоящая дорога его совсем не радует.

— Пишут, что на балконе цветочки развели, летом зацветут. Не знаю, как это. А у нас скоро яблони полыхнут—вот это красота!

Он сердито стучит тростью по деревянному забору и бросает в сторону, где стайкой, с авоськами в руках стоят девчата.

— Эти тоже в город! Уж как мы ни уговаривали... Куда там! Теперь каждую субботу набеги на село устраивают. Сюда порожняком, отсюда — с сумками.

С девчатами в автобусе разговора у нас не получилось.

—Ничего, работаем...

—Зарабатываем, хватает...

А ноги спешно заталкивают под сиденья переполненные авоськи.

— Нет, назад в село мы не поедem. Сюда мы будем, как и вы, природой приезжать любоваться...

За несколько часов до этой поездки в правлении усталый кадровик, назвавший себя Иваном Яковлевичем Ядровым, привел такие цифры:

— Средний возраст колхозника на сегодня в хозяйстве приближается к 34 годам. Из 60 молодых людей — три выпуска средней школы — в колхозе работают лишь четверо. Остальные разъехались кто куда.

А в колхозе между тем не хватает механизаторов, доярок, птичников, давно уже ищут правленцы на стороне чабанов для многочисленных колхозных отар...

Может быть, это хозяйство — исключение?

Но вот еще одна тревожная весточка, уже из другого конца края. Пришло письмо от В. А. Андреева,

колхозного бухгалтера. Вновь спешит он поделиться своими бедами.

«Сегодня Варвара Сазоновна опять обратилась ко мне со своей просьбой:

— Отпусти меня. Не могу я работать на ферме. Внучка Тамара в первый класс пошла. Кто ее в школу соберет? Я же сутками на работе.

Варвара Сазоновна Зинченко — очень уважаемая в колхозе труженица, давно работает птичницей. Я сочувствую женщине: ей действительно надо сменить работу. Но помочь не могу: нет желающих в птичники. Вы спросите: а где же Томина мама?

Попова Лида, проработав несколько лет дояркой, вдруг обнаружила у себя незаурядные способности белошвейки. Оставив Томку на воспитание бабушке, она укатила в Ставрополь. Вышла там замуж, говорят, обрела счастье. Иногда, приезжая проведать дочку, заходит на ферму.

—Тяжелая, грязная у вас работа,— говорит она своим бывшим подружкам.— Приезжайте ко мне в город. Окажу протекцию при трудоустройстве. Будете работать на стройке, а вечерами, как и я, посещать курсы кройки и шитья...

Почти все молодые люди, окончившие среднюю школу, уезжают из нашего колхоза в город. Если ребята еще остаются до призыва в армию (таких единицы), то девчонки уходят из села сразу.

В этом году, например, из нашей бригады среднюю школу окончили четыре человека. Все они поступили в институты, техникумы. А те, что не поступили, уехали в город. На первых порах заработок их не интересует: родители—люди обеспеченные и пойдут на любые издержки, чтоб закрепить свое потомство в городе.

Колхозник нашей бригады Александр Матвеевич Власенко недавно сопровождал за околицу четвертого и последнего своего сына. Председатель сельского Совета Иван Моисеевич Малик за два года проводил из села двух дочерей, окончивших нашу школу.

В устройстве своих детей в городе родители принимают самое деятельное участие. Премственность, гордость за свой

колхоз, борьба с трудностями и многие другие чувства у них при этом отступают на задний план. Не хотят родители видеть свое чадо в запыленной телогрейке тракториста или в халате доярки. Работу, не связанную с физическим трудом, — вот чего желают они своим детям.

Из школьного выпуска прошлого года в нашей бригаде остались трудиться на счетной работе две девушки. Отпала необходимость в счетоводах, и мы предложили им стать доярками. Через два дня девушки укатили в город.

Тракторист, скотник, доярка, чабан — эти самые массовые крестьянские профессии не пользуются уважением в нашем селе. Причем здесь ярко просматривается такая тенденция. Все летние месяцы наши дети в возрасте 14—16 лет, как правило, охотно работают, помогая отцу, брату или в ученических бригадах. Получив же документ о среднем образовании, они быстро меняют свое отношение к крестьянскому труду. Их детские мечты о романтике незнакомых мест упорно подогреваются родителями, а желание уехать из деревни для многих становится целью жизни. Идет даже гласное и негласное соперничество: кто лучше устроится в городе? Причем в него вовлечены не столько дети, сколько родители.

Мне несколько раз приходилось слышать от сельских отцов семейства: «Мы, мол, достаточно наработались в колхозе, пусть наши дети поживут в городе».

Что же это за поветрие такое? Отчего как магнитом тянет сельских парней и девчат на городской асфальт? Почему бросают они обжитые отцами и дедами места, порывают с самым древним в мире трудом земледельца?

Давайте попробуем разобраться, из чего складывается привязанность человека к той или иной профессии, откуда зарождается к ней интерес.

Весной, знакомясь в Предгорном районе с работой райкома ВЛКСМ, мне часто встречалась и слышалась одна и та же фраза: «Направить в животноводство столько-то комсомольцев, в птицеводство

— столько-то». В районе действительно сложилось трудное положение с кадрами доярок, птичниц, скотников.

А что думают по этому поводу учащиеся школы, на кого в основном и рассчитаны все призывы? Попытался узнать это, используя анкеты, в которых было лишь два вопроса: что вы собираетесь делать после школы и чем объяснить свой выбор? Ответили около 50 выпускников двух сельских школ.

И вот что выяснилось. Судя по ответам, большая часть ребят никуда не собирается уезжать, около тридцати человек остались жить и работать в родном селе, продолжать учебу заочно. Немалое пополнение! Но выводы делать рано.

Хозяйствам очень нужны животноводы, строители, работники культуры и службы быта, грамотные специалисты среднего звена. Однако из 50 школьников строителями пожелали стать лишь тире, только одна девушка решила пойти в продавцы, одна — в культпросвет работники. В анкетах мы не встретили профессий зоотехников, ветфельдшеров, скотников.

В чем же дело? Почему одним профессиям молодежь отдает явное предпочтение, а другими пренебрегает? Причины, конечно, разные. Но одна из них заключается в том негласном разделении труда на героический и менее заметный.

Согласитесь, не так легко хоть в селе, хоть в городе сыскать мальчишку, который бы не завидовал летчикам. Об их профессии мечтают с детства. А ведь воздух давно стал элементарным транспортным путем, таким, как железная дорога. Что же заманчивого находят мальчишки в этой профессии? У летчика вечный грохот в ушах, одни и те же заученные движения, да и земля кажется овчинкой.

Все это так. Но зато у летчиков Маресьев, Ляпидевский, Байдуков, Покрышкин, Гагарин, Комаров... Всех героев и не перечислить. Но только от произношения их имен у мальчишек сердце замирает от зависти. Я, например, с самого раннего детства знаю и лицо, и рост, и фигуру Валерия Чкалова. Знаю даже, какие

он носил перчатки, потому что и о них то ли читал, то ли слышал по радио рассказ известного писателя.

Но я до сих пор не представляю, каковы из себя Паша Ангелина, Мария Демченко, Иван Светличный и другие сельские труженики, ничуть не менее талантливые и самоотверженные в своем труде, чем Валерий Чкалов.

Да что там Ангелины и Светличные, живущие не в наших краях! Нередко в клубе родного села трудно бывает отыскать хоть подретушированную фотографию живущей с вами по-соседству Пелагеи, что всю жизнь отдала колхозу — растила пшеницу, доила коров, пахала на конях, а когда коней позабирали на войну, то впрягала корову в плуг. Байдукова, Покрышкина, Чкалова — их вы всегда найдете в клубе, а Пелагею встретите не всегда, с ней вы можете познакомиться разве что дома.

Я не за то, чтоб портрет каждого, честно отработавшего свой век, обязательно выставлять в клубе — не хватит в том клубе места, — но каждый должен знать все о родной земле: и кто по ней ходил до тебя, и какой тут выращивался урожай.

Мне как-то пришлось вести поиск самой первой на Ставрополье тракторной бригады Владимира Шошина, что в 30-е годы работала на полях Георгиевского района. — Сколько же было затрачено дней, изъезжено километров! В райкоме комсомола недоуменно пожали плечами: «Такой не стоит на учете», в школе тем более были удивлены — «Его сын у нас не учится...» Помогли старики, хорошо помнившие горячих «шошинцев», будораживших своими «фордзонами» крестьянские души. Оказалось, что Шошин живет в Пятигорске. К орденам за ударный труд до войны прибавилась боевая звезда Героя Советского Союза. Слушал я его, и в глазах оживала история, история человека и родной земли, которую не вычитаешь в учебниках. Рано в райкоме «сняли с учета» этого человека! Потому, что именно история рождает, воспитывает в нас святое чувство, которое зовется любовью к Родине.

А между прочим, есть в нашем крае

колхозы, где историю берегут, собирают, а главное — дают ей большую гласность. Побывайте в колхозе «Коммунистический маяк» Георгиевского района. Первое, куда вас поведут, — в колхозный музей, У клуба вы узнаете имена тех, кто создавал колхоз, зайдете в сквер, и вы увидите фотографии этих людей, пройдете по улицам села, и вы узнаете, где живут сейчас ветераны. На их домах колхозники установили мемориальные доски. Наконец, побывайте на полевых станах, и вам расскажут о соревнованиях за право обладать призами имени первого тракториста колхоза, первой доярки, первого чабана, первого агронома.

Уже сорок лет ведется летопись колхоза. Вот некоторые выдержки из этого интереснейшего документа:

«30 августа 1920 года — день организации коммуны в имении помещика Карпушина. Организовали ее рабочие мукомольного предприятия из станицы Незлобной.

1921 год. Коммуна существует по принципу: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Учета никакого. Общая бесплатная столовая. На завтрак — галушки, на обед — галушки или борщ, на ужин — суп из пшеничной сечки. Масло и яйца — только детям и больным.

Очень тяжелый год, засуха. У кого есть чем прикрыть грешное тело, а у кого и нечем. Поэтому решили всю одежду и обувь сложить в общий сундук. Распоряжался ими завхоз Болтус Сергей Петрович. А через месяц напала на коммуну банда Конаря и увезла сундук...

1961 год. Построен новый кирпичный дом для престарелых на 15 человек. Со всеми удобствами — водяное отопление, ванны. Чтобы старики не тосковали от праздности, при доме есть маленький огород, немного птицы, корова. В красном уголке — телевизор.

1964 год. На месяц освободили от работы Анатолия Григорьевича Смыченко, заведующего третьей МТФ, и Василия Ивановича Шевченко, заведующего первой МТФ. К ним прикрепили учителей, чтобы заниматься русским языком и математикой, а затем поступить в техникум.

5 февраля принято новое положение о социальном обеспечении колхозников. Самая малая пенсия по старости — 20 рублей в месяц. Есть персональные, за особые заслуги — от 30 до 120 рублей в месяц. На полном содержании в яслях и детских садах находится 587 детей...»

Скупые, но очень волнующие строки. Даже для тех, кто и не был никогда в «Коммаяке». А тот, кто родился там, вырос, принимает их, конечно, вдвойне ближе.

Еду поделиться своими думками в «Коммаяк», к Андрею Васильевичу Чухно, Герою Социалистического Труда, заслуженному человеку, бесценно проработавшему на председательском посту больше 40 лет. Он и сейчас почетный председатель, на общественных началах возглавляет колхозный музей.

— Скажите, Андрей Васильевич, ощущает ли «Коммаяк» недостаток в молодых силах? Не просматривается ли бедность в трудовых ресурсах колхоза?

— «Коммаяк» тоже не ахти какое молодежное хозяйство. В комсомольской организации нет и ста человек, всего же в артели 1275 трудоспособных. Так что миграция прижилась, видимо, и в «Коммаяке». Правда, нового в этой проблеме я ничего не нахожу. Урбанизация идет своей чередой. Деревня дала городу замечательных умельцев.

Сейчас мы с этим мириться никак не можем. Деревне самой нужны не только добросовестные, исполнительные труженики, но и люди-talанты, образованные, овладевшие вершинами культуры. Но откуда им взяться, если молодежь, окончив десятилетку, любыми путями рвется в город? Это, мне кажется, главный повод, заставляющий не столько размышлять о проблеме миграции, сколько принимать конкретные меры.

Приток молодежи у нас, конечно, есть, он постоянный. Но интересы молодых часто не совпадают с нуждами хозяйства. Высок возрастной состав полеводо-в, часто ощущаются трудности с кадрами на МТФ. Раньше всё эти беды мы относили за счет материальной незаинтересованности. Теперь доярка, например, за один рабочий

день получает в среднем 4 рубля 60 копеек. Вполне хорошо.

И все же доярок по-прежнему не хватает. Причину я лично вижу в консервативном отношении к этой профессии. Колхозы МТФ механизировали, внедрили там пятидневку, а люди туда по-прежнему не идут. Хотя и легче стало, но принцип труда не изменился: вставать в три часа ночи, возвращаться поздно.

В организации сельскохозяйственного труда пока много принятого на веру, научно не обоснованного. И это еще раз доказывает, что приход грамотной, ищущей молодежи сыграл бы большую роль.

— Какими же все-таки мерами, по вашему мнению, можно регулировать трудовую структуру современного хозяйства? Молодежь, уходя в город, сознательно идет на потерю существенной части заработка? Значит, дело не в заработной плате. Тогда культурный отдых? Интересная работа?

— Главным я бы назвал доверие, большую веру в молодежь.

Андрей Васильевич доказывает свою точку зрения, подкрепляя ее многочисленными примерами из жизни «Коммаяка». Его мысль сводится к следующему. Не надо стремиться к узкой цели — непременно удержать молодежь в селе. Если человек получил среднее образование, он и пользу государству должен принести несравненно большую. И он просто обязан приобрести специальность по своим желаниям и наклонностям. Председатель так и говорит выпускникам: «Вы должны учиться дальше. Если не можете получить специальность на месте, езжайте в город, колхоз поможет. Но вот таким-то и таким-то специальностям можно научиться дома».

А мне вспомнился рассказ председателя одного колхоза, в котором тихонько радовались, когда кто-то из парней или девчат досрочно бросал школу: «Значит, будет на ферме новый работник!»

— Несколько лет назад редакция «Комсомольской правды» попросила меня съездить к пензенским школьникам. У них

случилась такая история. Ученическая бригада выращивала картошку. Собрали с 40 гектаров пять тысяч центнеров, — больше, чем колхоз. За это ребятам пообещали премию — поездку в Москву. А потом от слов отказались, обманули. Ехал я в Анненково и думал, что после этого случая у некоторых ребят подорвется вера в справедливость. Люди-то они молодые, горячие. Но передо мной вдруг оказались не обиженные мальчишки и девчонки, а объективные, трезво рассуждающие юноши и девушки, сознавшие себя уже полноценными, а значит, и полноправными личностями в обществе.

Так происходит часто. Мы иногда и двадцатилетних считаем юнцами, видим в них лишь исполнителей, не доросших до права мыслить самостоятельно. А когда нет у тебя чувства ответственности за хозяйство, очень нетрудно бросить работу, уехать из села.

И потом еще некоторые хозяйственники скуповаты стали на доброе теплое слово. Все больше о делах, производстве пекутся. Узнают, что кто-то бросает колхоз, — что ж, пусть пишет заявление, незаменимых людей нет. Оно, конечно, так — хозяйство большое, замена найдется. Но можно сказать человеку иначе: «Не уходи. Ты здесь нужен. Без тебя придется трудно». Директор совхоза «Чистиньский» Алтайского края К. Колупаев как-то, выступая в газете, сожалел, что редко человеческие отношения у нас связываются с успехами или неудачами хозяйства. Равнодушие, недоверие ко всякой попытке сделать что-то по-своему, не так, как заведено, порой страшнее самой злой засухи. Не оттого ли человек смотрит в сторону, а то и вообще уходит из колхоза, что боится остаться незаметной, серой фигурой, рядовой рабочей единицей. Это ведь пугает больше, чем отсутствие в деревне оперного театра.

Но чуть глубже коснулся разговор проблемы миграции, Андрей Васильевич вдруг проявляет несвойственную ему неуверенность.

— Пока работаем, как в потемках. Мер много, но где они, самые нужные?

Беда в том, что к этим проблемам подход пока любительский.

Так считает Андрей Васильевич. Выехал за границы «Коммаяка» — и вот уже другое мнение.

— Надо осовременивать наши сельскохозяйственные профессии. Упорядочить рабочий день, механизировать труд — вот главное. Мы это делаем, и в хозяйстве молодежь остается.

Так говорит Иван Логвинович Козырь, председатель колхоза имени Шаумяна Георгиевского района.

— Закон бы такой иметь — пошел в армию из колхоза, — хочешь не хочешь, а возвратись после службы домой, поработай там, где особенно нужен.

Это уже «голубая мечта» Ивана Яковлевича Ядрова, всю свою колхозную жизнь проработавшего в отделе кадров.

Сколько людей, столько и мнений. Вот еще письмо из села. И вновь от знающего человека, специалиста. Резкое в суждениях, оно вместе с тем верно подмечает острую проблему, которую надо решать.

«Без малого 20 лет я работаю в колхозе зоотехником. Как специалист, могу с уверенностью сказать: труд доярки, птичницы, телятницы, чабана за последние 10 лет во многом изменился, но есть деталь, оставшаяся без перемен. Он, этот труд, стал более механизированным, более оплачиваемым, но его эстетика осталась та же. Зимой вокруг животноводческих помещений — непролазная грязь. Летом — удушающий запах навоза, пыль, мухи.

Как-то с товарищем мы осматривали дом культуры в Ставрополе. Своим величием здание нас поразило мало. Но заасфальтированная площадь вокруг него привела в изумление:

— К нам бы в коровники, в базы столько асфальта! — восторгался мой товарищ. — Вот тут, на ровном месте, мы поставили бы доильную площадку, а там, на склоне — кормушки. Навоз ежедневно бы смывали водой...

Пусть меня правильно поймут горожане. Я не оскорбляю святое место культуры. Я за море асфальта в каждом

городе. Но, будучи полным профаном в производстве асфальта, мне хочется все же немного помечтать:

— А что, если во всех зонах нашего края на кооперативных началах колхозов, совхозов построить по асфальтобетонному завод(ик)у?

Думаю, что через несколько лет можно будет одеть в асфальт тротуары сельских улиц, покрыть асфальтом базы, территории животноводческих построек. По-моему, это будет первым «китом», на котором с удовольствием воссядет современный молодой крестьянин. Ведь как не хочется ему, современному, молодому, грамотному, выполнять свою работу, измазавшись в грязи.

Круглый год наши животноводы носят одну рабочую форму: сапоги и халат-балахон. А у восемнадцати-двадцатилетней девчонки есть и костюмчик-джерси, и туфельки получше тех, что Вакула достал Оксане. Но девчонка 12 часов на работе. Когда и кому она покажет дорогие наряды, купленные на заработанные ею деньги!

Судя по своему хозяйству, я могу утверждать, что материальное положение колхозника средней квалификации нынче выше материального положения городского рабочего такой же квалификации. Но культура труда неизмеримо выше у рабочего города. Спрос же на внешнюю и внутреннюю культуру сегодня в селе ничуть не ниже, чем в городе. Доярке, птичнице, телятнице очень хочется работать в красивом и удобном наряде, в чистом помещении.

Иногда я заглядываю в журналы мод. С завистью смотрю на манекенщиц, одетых в элегантные рабочие костюмы, сшитые специально для доярок, птичниц. На страницах деловой прессы я тоже часто вижу фотографии удобной и красивой спецодежды для работников сельского хозяйства, якобы уже сходящей с конвейера. У нас же, как заявляют колхозные экспедиторы, обыкновенные комбинезоны для механизаторов купить очень трудно.

А что если поручить одной из швейных фабрик края по заявкам колхозов и совхозов согласно существующим

лучшим моделям начать изготовление модной красивой, удобной спецодежды для тружеников полей и ферм?..

Вопросы, вопросы... От них не отмахнуться, не уйти. Они тревожат. Но они и радуют — как выросло наше село! Ведь только по проблемам, которые сегодня выдвигает жизнь, безошибочно можно определить: разительные произошли перемены! Давайте с помощью подшивок газет и редакционной почты попробуем восстановить биографию сельских проблем.

Вот чередой идут письма о плохой оплате труда. На низкий заработок жалуются и доярки, и механизаторы. Потом тематика писем меняется: критикуются условия труда, быта, достается нерадивым, грубиянам, и постепенно разговор переходит на современные рельсы: об упорядочении рабочего дня, об отпусках. Все чаще встречаются в почте и такие жалобы: «Трудно купить автомобиль. Большая очередь». «Негде отремонтировать телевизор». «Мало книг в магазине»...

Наш избалованный двадцатым веком глаз настолько привык к бурным переменам в жизни, что мы порой просто не замечаем их. Построили новый клуб? Мы не удивляемся, мол, давно надо было бы сломать старый. И кажется нам, будто дорога, покрытая асфальтом, была гладкой испокон веков. И будто никогда раньше не было ручного труда, который теперь делают за людей механизмы.

И тут в самый раз вернуться к нашей беседе с Андреем Васильевичем Чухно, потому что речь пойдет о будущем села, о завтрашнем дне одного из старейших на Ставрополье колхоза.

— Какие, на ваш взгляд, Андрей Васильевич, основные перспективы дальнейшего пути развития «Коммаяка»? Можно ли выделить главные закономерности этого развития?

— Сейчас много пишут о необходимости объединения сельского хозяйства и промышленного производства. Промышленность до одного миллиона штук кирпичей в год, маслобойня, большое газовое хозяйство. Мы не прочь построить консервный завод, мастерские по

изготовлению тары. Село становится компактнее, исчезают хутора. Ну, и, конечно, техника, разносторонняя механизация труда. И потом — облик села. «За того, что они уезжают из родных домов, здесь же магазины, столовая... В селе есть улицы, целиком состоящие из новостроек. Словом, я не вижу различий в развитии нашего села и любого другого перспективного рабочего поселка. И я очень завидую потомкам, которые будут жить в наших местах. Этим людям действительно можно позавидовать. В колхозе многое создано для плодотворного творческого труда. И уже сегодня здесь встречаешь тех, кто вернулся в родное хозяйство, покинув его несколько лет назад. Что характерно — возвращается много специалистов, сельских умельцев. Среди них, например, шоферы Володя Надыкто, Виктор Конько, техник-механик Володя Поддубный и многие другие. Это лишь первые «ласточки».

Они, эти «ласточки», есть не только в «Коммаяке». Есть они и в других хозяйствах. Однако проблема миграции пока остается, потому что проблема закрепления молодежи в селе нередко решается «вразбивку», а это не самый лучший метод. В одном хозяйстве на фермах ввели двухсменку, но за механизацию труда еще почти не брались, в другом — построили Дворец культуры, но о двухсменке речи пока не вели. И вот некоторые руководители хозяйств, ощутив на практике те или иные меры «вразбивку», разводят руками: меры эти, оказывается, мало помогают. Вывод, казалось бы, прост: надо все «рецепты» от миграции — строительство клубов, бытовые условия, материальные стимулы, механизация труда и т. д. — внедрять в комплексе. К сожалению, в жизни все получается сложнее. В колхозе имени Ленина Изобильненского района, видимо, с удовольствием внедрили бы двухсменную работу, но нет доярок. А доярок нет, так как фермы плохо механизированы.

Возникает довольно нелепая ситуация» Юноши и девушки покидают

село нередко из-за растянутости рабочего дня, отсутствия нормальных культурно-бытовых условий. А с другой стороны, из-за того, что они уезжают из родных домов, затрудняется возможность быстро изменить, улучшить эти условия.

Так что кроме экономических мер нам никак нельзя забывать о мерах психологических. Громче нам надо говорить с» том, что сделано, сопоставить сегодняшний день со вчерашним, рассказывать о перспективах.

Ведь не от трудностей чаще всего уходит молодежь, покидая село. И даже не от скуки. Ее влечет романтика, тайна неоткрытого, неувиденного, а в родной деревне вроде бы все и перевидано.

Как-то мне довелось быть на диспуте в одной сельской школе. Спорили как раз о романтике, об открытиях. И вот старшекласник, умный, начитанный юноша, Юра, делился с трибуны своими мечтами, которые витали вокруг кибернетических машин и атомных установок. Его товарищ, Витя, не менее умный и начитанный, мечтал с трибуны о таких же высоких материях, однако его речь была не лишена скептицизма.

— Вот поколение 30-х годов,— примерно так говорил он,— было действительно счастливым. Магнитку, Днепрогэс, Комсомольск-на-Амуре— все это строили комсомольцы. Этому стоило посвящать свою жизнь. Нам бы дали такое дело!

По мнению Юры и Вити, выходило, что все «белые пятна» открыты, а если они еще и есть где, так это далеко, за околицей села — на крупных заводах и шумных комсомольских стройках.

Выслушав ребят, на трибуну поднялся председатель колхоза. Мужчина уже в годах, искалеченный на войне. Он говорил о том, что и в родном селе для каждого найдется интересное дело, которому можно посвятить свою жизнь, что для этого вовсе не обязательно покупать дальний билет. Говорил он скучно, неубедительно. Председателя не перебивали, но слушали скорее из уважения к его возрасту. А после диспута в зале остались самые ярые спорщики и все-таки высказались

откровенно, о чем думали. Мол, что же это за дело такое может предложить им председатель: коров доить или овец пасти? Неужто именно для этого они учились в школе целых десять лет? И председатель, никогда особо не блиставший искусством полемики, молча посадил и Юру, и Витю, и еще четверых школьников в «газик» и повез их на самую отстающую, самую захудалую в районе МТФ, откуда молодежь давно ушла и где работали только пожилые женщины. Он целый час водил их по этой ферме.

Потом председатель заставил школьников хорошо вымыть ботинки и повез их в другой конец района на самую лучшую МТФ, на которой девчонки-доярки работают, как врачи, в белых халатах, где все было механизировано и электрифицировано, где в красном уголке стоял телевизор, а в кухне газовая плита, где был разбит сквер для отдыха и всюду — цветы...

И на этой ферме председатель, никогда не блиставший красноречием, вдруг заговорил красиво и возвышенно.

— Разве это не прекрасно,— говорил он,— вам, молодым, грамотным людям посвятить свою жизнь тому, чтобы все наши люди, наши хорошие труженики работали вот в таких чистых и светлых цехах, чтобы их руки не знали усталости, а труд доставлял настоящее удовольствие... Разве не стоит этому посвятить свою жизнь? — допытывался председатель.

Мальчишки, еще не отошедшие от поразившего их контраста, молчали. И Юра, маленький демагог, никогда не лезший в карман за словом, тоже молчал, будто начисто лишился речи. Ребята впервые смотрели на мир так, как смотрят на него взрослые.

А председатель меж тем продолжал развивать свою мысль.

— Учитесь любить землю, ребята,— говорил он.— Придет время, труд земледельца будет полностью автоматизирован. Поля, леса и колхозные фермы для крестьянина станут такими же цехами, как нынче для рабочего заводские корпуса. Но и тогда человек-труженик будет в неразрывном единстве с природой,

а земля все так же останется для него кормилицей и ничуть не меньше потребует от хозяина любви к себе, а не только сухого материального расчета.

Да, так будет!